

Депутация старообрядцев в г. Кашине.

Господам попечителям храмов, учреждений и кладбища московской старообрядческой общины Рогожского кладбища.

Нижеподписавшихся уполномоченных
собрания московских старообрядческих
общин и попечителей Рогожского
кладбища

ДОКЛАД.

По благословению преосвященнейшего Александра, епископа рязанского и егорьевского, и уполномочию общего собрания представителей московских старообрядческих общин и попечителей Рогожского кладбища мы отправились в г. Кашин, Тверской губернии, возбудить вопрос, а если представится возможность, то и ходатайствовать об отделении части честных мощей святой благоверной великой княгини-инокини Анны Кашинской для храмов московского старообрядческого Рогожского кладбища. В 8 часов вечера, 4 июня, мы прибыли в г. Кашин и на утро следующего дня первым, долгом, отправились, в Воскресенский собор поклониться раке, в которой покоятся нетленные мощи преподобной княгини-инокини схимницы Анны, а затем отсюда перешли в Успенский собор, где находится могила благоверной княгини-инокини. Настоятель Успенского собора, протоиерей о. Александр Скобников, близко знакомый одному из нас, встретил нас очень радушно. Он ввел нас в алтарь собора, где мы удостоились видеть в ковчежце частицу святых мощей преподобной княгини Анны, которой поклонились и облобызали. После осмотра достопримечательностей и переговоров мы объяснили о. Скобникову о цели нашего приезда, прося у него вместе с тем совета, как приступить нам к порученной нам миссии. О. Скобников посоветовал нам прежде всего обратиться в комитет по устройству торжества восстановления церковного почитания св. благоверной великой княгини Анны Кашинской, а затем повидаться с настоятелем Воскресенского собора о. протоиереем Иоанном Аменицким и переговорить с ним по данному вопросу. В Воскресенском соборе, куда мы пришли после переговоров с о. Скобниковым, отправлялась литургия, которую совершал о. Аменицкий, поэтому мы сочли удобнее побывать у о. протоиерея после службы на квартире.

Придя потом на квартиру к о. Аменицкому, мы застали его очень усталым и, по его словам, расстроенным, вследствие столкновения с некоторыми членами комитета по вопросам, относящимся к устройству предстоящего дня празднования благоверной княгини-инокини и поэтому сочли неудобным возбудить вопрос, нас интересовавший. Мы только испросили у него разрешения сфотографировать древний покров, шитый по преданию супругой и сестрами царя Алексея Михайловича и возложенный ими на раку благоверной великой княгини Анны 12 июня 1650 года в день перенесения честных мощей ее из Успенского собора в Воскресенский. Получив на это разрешение, мы отправились в собор, в котором в алтаре летнего храма временно лежал этот покров на небольшом стекле. Обозревая этот драгоценный памятник, мы заметили нечто на нем необыкновенное. Правая рука св. благоверной княгини Анны, имеющая двоеперстное перстосложение, была довольно искусно замаскирована, на нее было нашито излюбленное никоновское троеперстие, а видневшиеся из под него два перста, — указательный и великосредний, — были заплетены шелком, имевшим, к счастью нашему, в своем цвете заметную отличку от того шелка, каким была вышита более 250 лет назад окружность одеяния преподобной.

Мы спросили у сторожа: не знает ли он, кто и когда сфабриковал эту подделку?

Ответив отрицательно, сторож посоветовал нам обратиться по поводу этого вопроса к председателю соборной комиссии С.И. Лядову. Узнав, что Сергей Иванович будет в соборе часа через два, мы, чтобы не терять напрасно время, отправились к фотографу В.А. Колотильщикову просить его сделать снимок с упомянутого покрова. Будучи в хорошем знакомстве с одним из нас, г. Колотильщиков, когда мы пришли к нему, сказал нам, что он с этого покрова уже имеет фотографию и, что когда проявлял пластинку заметил очень

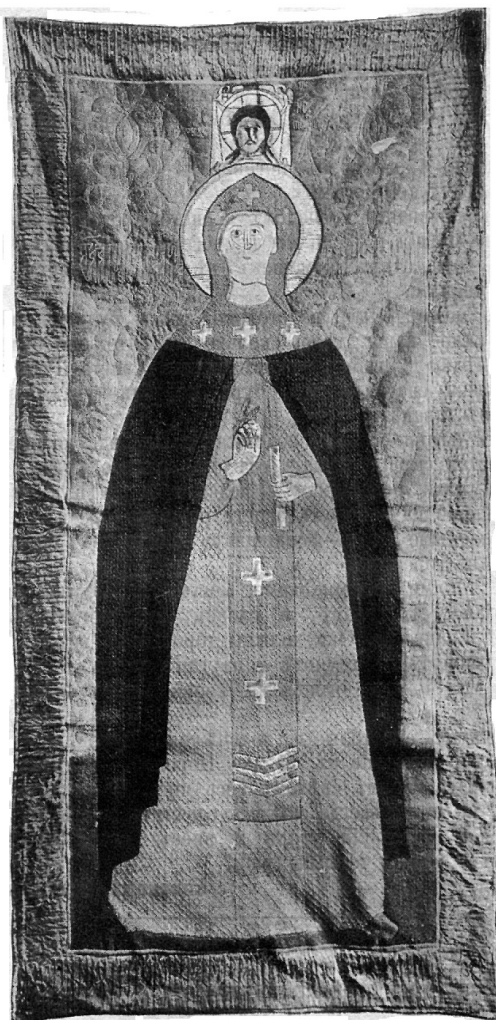
диковинную вещь: правая рука княгини имеет 7 пальцев, так что из троеперстного сложения видны концы двух лишних пальцев. «Я полагаю, — говорил нам г. Колотильщиков, — что какие-то неведомые «художники», в ложном расчете ввести в заблуждение темную массу богомольцев, порешили устроить такую фальсификацию: они постарались сделать из двоеперстного сложения троеперстное, но ничего этим не достигли, лишь показали свое нравственное убожество и очевидную для всех нетерпимость к древнему двоеперстному сложению».

Мы согласились вполне о таких доводах Колотильщикова и со своей стороны добавили, что от тех потомков Никона, которые своевременно решились сфабриковать для защиты троеперстия и других никоновских новшеств подложное деяние небывалого собора на небывалого еретика Мартина армянина и которые не постыдились сделать подложную подпись митрополита Феоноста на Потребнике сомнительного свойства и ему никогда не принадлежащем, то лучшего и ожидать от них было нельзя. Эти люди и говорят и пишут так, но делают совершенно иначе. Говорят и пишут, что они против перстного сложения, какое бы оно ни было, ничего не имеют: пусть знаменует себя каждый таким перстосложением, каким он находит для себя лучше, удобнее, а на деле же показывают как раз противоположное.

Высказав это, мы попросили г. Колотильщикова показать нам сделанный им фотографический снимок с покрова, но карточек не оказалось и нам были показаны два негатива, на которых ясно видны были следы подделки; я вместо пяти — семь пальцев на руке преподобной, как это видно на прилагаемой фотографии.

Придя в Воскресенский собор, мы пригласили председателя соборной комиссии С.И. Лядова в алтарь и передали ему об открытой подделке на покрове преподобной и просили его не омрачать такой непозволительной фабрикацией радостного дня всей верующей России праздника. Пусть тысяча богомольцев, заявивших на «торжество дня сего» будут лицедреть такой древний, исторический, драгоценный памятник в своем первобытном виде, а не с дерзкой подделкой руки преподобной. Также справедливое наше заявление горячо поддерживал и бывший при этом художник, иконописец Платон Алексеевич Левашнепалу из Костромы.

Если вы, добрейший Сергей Иванович, не примите к сведению наше заявление, если вы не сделаете того, о чем мы вас просим, — добавили мы, — то мы сами примем к этому всякие меры. Мы постараемся тем или другим путем обнародовать этот дерзкий подлог, посредством печати мы доведем об нем до сведения всей грамотной, всей просвещенной России, археологического общества, которое попросим выступить в защиту нашего открытия. Ведь нельзя с историческими памятниками делать какой-либо профанации, переделывать их по «благому усмотрению» врагов старины. Кажется, уже довольно много кое-чего подделали. Пора остановиться. Ведь не по чему-либо другому, — заключили мы, — а по прихоти и капризу киевского митрополита Филарета в киевском Софийском соборе, после реставрации стенописи, многие угодники Божии, вместо имевшегося у них двоеперстного сложения, появились с троеперстием.

Такие доводы наши сильно подействовали на председателя соборной комиссии, и он тут же дал нам честное слово, что такое заявление наше передаст соборному старосте Д.И. Манухину, о. протоиерею Иоанну Аменицкому и, наконец, самому преосвященному Алексею, приезд которого ожидался назавтра. Я господа, — сказал в заключение своей речи Сергей Иванович, — приму все меры к тому, чтобы этот драгоценный памятник имел свой первоначальный вид. Извиняюсь перед вами в том, что не могу знать в настоящее время тех лиц, по желанию и прихоти которых покров этот был изуродован. Впоследствии я и это узнаю, но теперь прошу вас поощрять доискиваться этого.

Поблагодарив Сергея Ивановича за горячую готовность исполнить наше желание, — восстановить в первоначальном виде исторический покров преподобной, — мы тут же сказали ему о главной цели нашего приезда и просили его довести об этом до сведения комитета, а если возможно, то оказать любезность и представить нас комитету. Сергей Иванович на все это изъявил полную готовность.

В 6 часов вечера того же дня мы были на заседании комитета и здесь подробно объяснили цель нашего приезда, прося комитет посодействовать в нашем ходатайстве.

Комитет очень сочувственно отнесся и к нам и к нашей просьбе и изъявил полную готовность всеми зависящими от него мерами содействовать в нашем ходатайстве и на утро доложить о нас архиепископу Алексею, а если найдется возможность, то и представить нас его преосвященству.

Все это вызвало от нас глубокую благодарность комитету.

Утром, 6 июня, в приезд архиепископа Алексея, мы были в Воскресенском соборе, здесь соборный староста, Д.И. Манухин, представил нас кашинскому городскому голове А.П. Дорогутину, которому было уже известно, зачем мы приехали в Кашин. Алексей Петрович, к которому мы обратились с просьбой помочь нам в ходатайстве у архиепископа Алексея, выразил полную готовность. «Я со своей стороны и со стороны комитета городской думы приложу все меры, чтобы желание ваше иметь часть св. мощей благоверных великия княгини Анны Кашинской в ваших храмах на Рогожском кладбище было удовлетворено. Нам очень приятно, что и гг. старообрядцы изъявляют полнейшее желание чтить нашу кашинскую угодницу Божию». В ответ Алексею Петровичу мы высказали, что старообрядцы и тогда, когда по желанию патриарха Иоакима преподобная княгиня-инокиня Анна была исключена из святцев господствующей церкви, не переставали чтить ее как святую угодницу Божию, небесную защитницу древнего города Кашина и всяя Руси православной. Старообрядцы все это время не переставали призывать ее в своих молитвах к Богу.

По приезде преосвященного Алексея в кашинскую гимназию, где отведено было ему помещение, мы имели честь быть ему представленными.

Представляясь преосвященному Алексею, в присутствии духовенства и представителей города, М.И. Бриллиантов сказал его преосвященству приветственную речь следующего содержания:

«Ваше высокопреосвященство. Мы приехали в г. Кашин по уполномочию московских старообрядческих; общин и гг. попечителей московского Рогожского кладбища. Цель нашего приезда сюда — проверить слухи о разрешении старообрядцам совершать богослужения у многоцелебных мощей благоверных великия княгини Анны Кашинской и возбудить ходатайство об отделении части нетленных мощей преподобной инокини Анны Кашинской для святых храмов московской старообрядческой общины Рогожского кладбища.

Отправляясь в город Кашин, мы были уверены, что ходатайство наше найдет добрый отклик в душе вашего высокопреосвященства. То, зачем мы приехали и о чем ходатайствуем, близко и дорого нашему сердцу. Эта великая угодница Божия, заступница и покровительница древнейшего города Кашина и всяя России, глубоко нами, старообрядцами, почитается, и она, если скажем нелицемерно, есть общая святая наша и ваша.

Ваше высокопреосвященство! Мы верим, что вы не откажете нам в нашей просьбе, которую мы возбуждаем пред вами о выделении для наших святых храмов Рогожского кладбища части св. мощей Анны Кашинской. Пусть эта часть, которую мы получим, будет

служить первой нитью-залогом к разрешению векового спора и недоразумения между русскими братьями, верующими в одного Бога и детьми одного русского Государя. Пусть эта нить утолщается правдой и концы ее будут скреплены с вашей стороны нетленными мощами св. благоверной великой княгини Анны Кашинской, а с нашей — частицей святых многоцелебных мощей ее. И молитвами преподобной, может быть, Бог поможет разобраться нам в историческом религиозном споре и прийти к тому, о чем святая Церковь молит ежедневно.

Ваше высокопреосвященство. Ведь наша вера есть вера православная и наше духовенство происходит от той же греческой церкви, от которой ведет свое начало духовенство и вашей церкви. И мы такие же верноподданные нашего великого Государя, как и ваше высокопреосвященство, и поэтому надеемся, что мы получим здесь то, зачем сюда прибыли к вашему высокопреосвященству».

Выслушав благосклонно сказанную речь, владыка, глубоко взволнованный, обратился к оратору, положив ему руку на плечо, с следующими словами: «Знаю, знаю я все. Я с своей стороны готов для вас это исполнить. Для меня это будет очень приятно, что вы будете иметь у себя часть мощей угодницы Божией». И затем переспросил у него имя, отчество и фамилию. Обращаясь затем к другому депутату, преосвященный Алексей спросил его — «А ваша фамилия?» — «Пашков», — отвечал тот. «А имя и отчество»? — «Алексей Алексеевич». «И я тоже Алексей Алексеевич, — сказал взволнованный владыка, — так будемте друзьями», — закончил свою речь преосвященный. Мы доложили его высокопреосвященству, что для принятия части св. мощей, если только она будет нам уделена, мы вызовем священное лицо и попечителей Рогожского кладбища, которым вы и вручите нами просимое — «Да, да, это необходимо. Вместе с этим потрудитесь изложить вашу просьбу на бумаге и представить мне». — «Разрешите ваше преосвященство, мы сейчас дадим в Москву срочную телеграмму, чтобы немедленно выезжали сюда попечители и наш священник?» — «Да, да, — сказал владыка, — вы должны это сейчас же сделать».

То же самое посоветовали нам сделать городской голова и члены комитета, бывшие при представлении нашем архиепископу около 8 часов утра, 7 июня, мы представили архиепископу Алексею прошение следующего содержания.

**Его высокопреосвященству
господину Алексею, архиепископу
тверскому и кашинскому.**

Уполномоченных общего собрания представителей
московских старообрядческих общин и попечителей
Рогожского кладбища, члена и секретаря совета
московской старообрядческой общины Рогожского
кладбища Михаила Ивановича Бриллиантова (Москва,
Рогожская застава, свой дом) и члена той же общины
Алексея Алексеевича Пашкова (Москва, Новая
Переведеновка, д. Кочетовой)

ПРОШЕНИЕ.

Движимые глубоким чувством и благоговейным почитанием к святости нетленных мощей благоверной великой княгини Анны Кашинской и чтя ее, как великую заступницу древнего города Кашина и всего дорогого нашего отечества, миллионы старообрядцев радуются открытию ее многоцелебной раки для лобзания святых мощей всем с верою к ней притекающим.

По уполномочию доверителей наших, мы вместе с ними бьем челом вашему высокопреосвященству и во имя христианской любви и нашей преданности Престолу и отечеству почтительнейше просим благоволить отделением части нетленных мощей святой благоверной великой княгини Анны для святых храмов московского старообрядческого кладбища.

Веруя в святость благоверной великой княгини Анны со дня обретения честных и многоцелебных мощей ее и установления ей празднества, доверители наши и мы искренно убеждены в том, что и ваше высокопреосвященство чтит святую благоверную великую княгиню Анну одинаково с нами. Поэтому мы и питаем надежду, что вами просьба наша будет услышана, и единоверная братия наша, получа столь великую святыню — часть святых мощей — будет считать, что с данного момента кладется первый камень к сооружению давно желанного моста чрез ту историческую пропасть, которая была ископана между православным народом: братьями по вере в Бога и преданности русским государям, два с половиной века тому назад.

С должным почтением и преданностью к вашему высокопреосвященству имеем честь быть покорными слугами
Кашин, 7 июня 1909 г. (Следуют подписи).

Представляя такое прошение, мы просили его прочесть и, если найдутся в нем какие-либо недостатки или неточности, нам их указать и это для того, чтобы их было возможно тотчас же исправить. Прочтя наше прошение, владыка остался им очень доволен и сказал нам, чтобы мы пришли к нему на другой день за ответом.

Вечером, седьмого же июня, мы подали и в комитет прошение следующего содержания:

**В комитет по устройству торжества восстановления церковного почитания
св. благоверной великой княгини Анны Кашинской, в г. Кашине.**

Уполномоченных общего собрания представителей московских старообрядческих общин и попечителей Рогожского кладбища члена и секретаря совета московской старообрядческой общины Рогожского кладбища Михаила Ивановича Бриллиантова (Москва, Рогожская застава, свой дом) и члена этой же общины Алексея Алексеевича Пашкова (Москва, Новая Переведеновка, д. Кочетовой)

ПРОШЕНИЕ.

Прилагая при сем копию с прошения, поданного нами его высокопреосвященству господину Алексею, архиепископу тверскому и кашинскому, и принося комитету глубокую благодарность за оказанное содействие при возбуждении нами просьбы о выдаче для святых храмов московского Рогожского старообрядческого кладбища части нетленных мощей святой благоверной великой княгини Анны Кашинской, мы почтительнейше просим комитет оказать нам свое содействие и в дальнейшем ходатайстве нашем по данному вопросу, если только обстоятельства вынудят нас продолжить таковое ходатайство.

Следуют подписи.

При этом прошении мы приложили и копию с прошения, поданного нами преосвященному Алексею. Другую такую же копию мы вручили и председателю соборной комиссии А.И. Лядову.

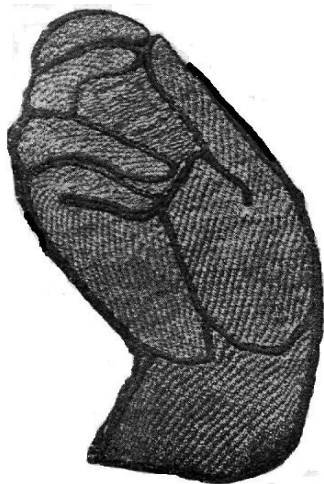
Утром 8 июня мы были в помещении преосвященного, желая его видеть, но его келейник нам сказал, что он сейчас занят и что самое лучшее побывать нам около 6 часов вечера, так как сегодня владыка решил сделать обозрение некоторых церквей города Кашина. Чтобы не терять праздно времени мы решили сходить в Воскресенский собор и узнать, в каком положении дело о покрове. Увидя соборного старосту Д.И. Манухина, мы обратились к нему с вопросом по этому делу, и он нам ответил, что преосвященный Алексей приказал покров исправить и что он для этого уже отправлен к известному художнику Александру Владимировичу Маковскому, приехавшему в Кашин исполнить акварельные рисунки с некоторых древностей, хранящихся в Воскресенском и частью в Успенском кашинских соборах. Мы попросили позволения снять фотографию с покрова тогда, когда он будет приведен в первоначальный вид. Дмитрий Иванович очень охотно дозволил нам это сделать.

А.В. Маковский, к которому мы затем пришли и у которого были несколько раз раньше и видели акварели с этого покрывала в переделанном виде, любезно предоставил нам этот покров в наше полное распоряжение, и один из нас — М.И. Бриллиантов тотчас же занялся уничтожением дерзкой подделки, другой — А.А. Пашков поспешил пригласить фотографа г. Колотильщикова и через 1½—2 часа все было готово: покров был надлежаще исправлен, троеперстие снято, заштопанные два перста раскрыты и снята фотография.

Когда был снят никоновский троеперстный поддельный налет с древнего двоеперстного сложения преподобной, тогда получился первобытный вид покрывала. Настоящий вид его таков.

Сфотографировали также на память и то, теперь историческое, подложное троеперстие, которое так дерзко было кем-то нашито на двоеперстии преподобной, за которое она после смерти, после обретения и прославления ее святых мощей, была исключена последователями Никона из числа святых, и многоцелебные ее мощи на 231 год закрыты.

Эта историческая подложная нашивка троеперстия, которая искусственно заслоняла собой двоеперстное сложение руки: преподобной угодницы Божией инокини-схимницы Анны Кашинской на древнем покрывале имеет следующий вид:

Господам попечителям храмов, учреждений и кладбища московской старообрядческой общины Рогожского кладбища.

Нижеподписавшихся
уполномоченных собрания
московских старообрядческих
общин и попечителей Рогожского
кладбища

ДОКЛАД

Вечером, 8 июня, мы были вторично у преосвященного Алексея, который сказал нам, что, может быть сегодня, или никак не дальше, как завтра, ожидает сюда приезд чиновника из Петербурга. — Мне необходимо нужно будет с ним объясниться, — сказал нам архиепископ. Будьте добры, — продолжал он, — оставьте свои адреса; я вас извещу о результате вашего ходатайства.

— Ваше высокопреосвященство, — сказал один из нас, — мы все-таки не теряем надежды на благополучный исход нашей просьбы. Мы продолжаем еще надеяться, что вы нас не обездолите. — Я говорил вам, господа, — сказал нам в ответ архиепископ, — и теперь скажу, что все, что от меня будет зависеть, я учту в вашу пользу, не теряйте еще надежды. Пока до свидания.

Поблагодарив архиепископа, мы удалились.

Еще в полдень, будучи в соборе, мы узнали, что с минуты на минуту ждут в Кашин приезда редактора «Миссионерского Обозрения» Василия Михайловича Скворцова, человека не благоволящего к старообрядчеству.

Услышав от архиепископа, что он ожидает из Петербурга чиновника, с которым имеет намерение посоветоваться относительно нашего ходатайства, мы тотчас же пришли к заключению, что дело наше пошло на оттяжку и что, поэтому просьба наша остается не удовлетворенной.

Утром, 9 июня, узнав о приезде г. Скворцова, мы опять были у архиепископа Алексея, который сообщил нам, что о нашем ходатайстве он телеграфировал в синод и теперь ждет ответа. — От полученного ответа будет зависеть исход вашей просьбы, — сказал нам архиепископ. Вероятнее всего так или иначе, решить ваше ходатайство предоставят митрополиту московскому Владимиру, он займет здесь старейшинство.

— Ваше высокопреосвященство, — сказали мы, — нам думается, что митрополит Владимир в дни праздника будет здесь только лишь старшим при отправлении богослужения, хозяйственная же или административная часть по епархии, все-таки неотъемлемо должна быть в вашем ведении. Ведь митрополит Владимир не областной митрополит, а поэтому не он хозяин тверской епархии, а вы, владыка. Следовательно, московскому митрополиту и не должно вмешиваться в ваши епархиальные дела.

— Это будет зависеть не от меня, а от синода, — сказал нам архиепископ.

Попрошавшись с архиепископом, мы удалились, решив повидаться с В.М. Скворцовым.

На дороге к г. Скворцову нам встретился один из находившихся в Кашине корреспондентов московской газеты. Будучи знаком с нами, он спросил у нас о положении нашего ходатайства и узнав от нас об ответах архиепископа Алексея, сказал нам: «Трудно верить, господа, в благополучный исход вашего ходатайства. Примите во внимание, что здесь собирается черная туча. Грозы и грома лишь только должно ждать от этой тучи, а не благорастворения воздуха и умножения плодов земных. Не любовью дарит эта туча, а ненавистью. Эти владыки Владимиры, Евлогии, Серафимы, Никоны, Гермогены и архимандриты Макарии и т.п. готовы у старообрядцев последнее отобрать, а не им что-либо дать. Получите от них не больше, как вместо хлеба камень, и вместо рыбы скорпию». С этим мы и расстались.

Синодального миссионера г. Скворцова нам пришлось увидеть в Воскресенском соборе. Он обозревал достопримечательности собора. Поздоровавшись с ним, мы сказали ему о цели нашего приезда в Кашин и просили его во имя общей нашей святой, во имя двоеперстницы преподобной не препятствовать нашему ходатайству. Скворцов сказал нам, что исход нашего ходатайства будет зависеть не от Алексея тверского и не от него лично, но митрополита Владимира и от всех съехавшихся сюда епископов, из которых многие будто бы очень благосклонно к нашему ходатайству относятся и что он сам, Скворцов, лично против ничего не имеет. Но такое скворцовское уверение оказалось празднословным.

Утром же на другой день, когда мы вместе с приехавшими из Москвы депутатами были в помещения гимназии у преосвященного Алексея, Скворцов уже пел другим тоном.

В полдень, 9 июня, от келейника архиепископа Алексея мы узнали, что он приказал ему известить нас, что им получена из Петербурга телеграмма, в которой указывается, что решение нашей просьбы предоставлено усмотрению съехавшихся сюда иерархов, с митрополитом Владимиром во главе. Такой ответ архиепископа мы сочли равносильным отказу. Ясное небо заволакивается черною тучею, подумалось нам.

Около 7 часов вечера мы встретили приехавшую из Москвы нашу депутацию, в числе которой находился священник о. Елисей и диакон о. Феодор.

Первым делом утром, 10 июня, вместе с прибывшей депутацией мы имели честь представиться кашинскому городскому голове и некоторым членам городской управы, затем и комитету по устройству празднования. И тут, и там мы снова были приняты очень благосклонно и внимательно. Всюду было повторено, что городская управа, так точно и комитет готовы всеми силами, всюю душою содействовать ходатайству, нами возбужденному. Нам будет очень приятно, очень радостно, если часть св. мощей нашей кашинской угодницы будет находиться в старообрядческих храмах г. Москвы. Давно мы этого желали и сейчас вседушно желаем. Так высказались все члены комитета. Городской голова А.П. Дорогутин

очень сожалел, что в числе депутатов не видит попечителя Рогожского кладбища И.А. Пуговкина, его лучшего друга.

Из здания городской управы мы, вместе с прибывшей депутацией, исключая духовных лиц, отправились к архиепископу Алексею. В приемном зале было в сборе много членов из черной тучи. Архиепископ Алексей был в это время во внутренних покоях. Нас обступили со всех сторон.

— Мы не должны выдать вам часть св. мощей, — говорили нам г. Скворцов и кишиневский епископ Серафим, — мы опасаемся, что вы будете злоупотреблять ими, например зашивать их в антиминсы и служить на них литургии. Такие разглагольствования наших противников нас удивили и поэтому мы спросили их: «Разве служение Божественной литургии на св. мощах, приношение безкровных жертвы за грехи всего мира, за Царя и за вся, иже во власти суть, есть злоупотребление? И разве вам не известно, что в антиминсы по закону св. Церкви вшиваются части мощей свв. мучеников и не других каких-либо святых? — При этом мы сослались на определение седьмого вселенского собора, где в 7-м правиле точно об этом указано. — Следовательно, ваше опасение с этой стороны более чем неосновательно», — добавили мы. Кишиневский Серафим с этим согласился, но г. Скворцов, по-миссионерски, продолжал упорствовать. — Мы должны выдать часть св. мощей духовным лицам, а не простецам, — слышалось из уст нашего оппонента. Мы сказали им в ответ, что в данную минуту в Кашине находятся наши старообрядческие священник и диакон, они, с согласия преосвященного Алексия, нами сюда вызваны, и они, а не мы, примут часть мощей. Послышалась известная миссионерская песнь: мы ваших духовных лиц не признаем таковыми. Они для нас такие же простецы, как и вы.

Мы сказали, что и это ваше умозаключение неправо, и неправо, во-первых, потому, что своими делами вы показываете как раз обратное. Принимая от нашей Церкви два церковных таинства: св. крещение и брак без повторения, вы этим уже ясно доказываете действительность нашего старообрядческого священства. Во-вторых, действительность нашего священства доказывается и тем, что оно происходит по своему преемству в тайне от законного греческого босно-сараевского митрополита Амвросия, присоединившегося к православию и «части спасаемых» и занявшего вдовствующий старообрядческий престол в Белой Кринице не самовластно, но по законам св. Христовой Церкви. Такие доводы однако нисколько не убедили наших противников. Они горячились, выходили из себя, чем и доказывали свое религиозное убожество. Особенно горячился, тыкаясь семо и овамо, пресловутый архимандрит из Старой Ладоги — Арсений. Он всем мешал, никому не давал покою, но его, как плохого знатока в этих вопросах, никто не слушал.

С выходом в зал ему вновь прибывшую нашу депутацию. Он принял ее очень благосклонно и, прежде чем мы успели спросить у него о положении нашего ходатайства, объяснил нам, что из Петербурга получена телеграмма, в которой сообщается, что решение нашей просьбы возложено всецело на московского митрополита Владимира. Что он, архиепископ, по его приезде в Кашин, доложит ему наше прошение 11-го, а всего вероятнее 13 июня, и тогда, по рассмотрении прошения и определения, вы получите обстоятельный ответ.

Поблагодарив архиепископа за сообщение, мы стали было прощаться с ним, но были задержаны В.М. Скворцовым, который сказал нам, что на 13 июня, в здании кашинской городской думы, в 2 часа дня, назначается чтение на тему: «святая Анна Кашинская и старообрядцы», и просил нас туда прийти. На наш вопрос: будет ли дозволено нам делать возражения? Скворцов спросил у нас: «А что вы намерены возражать?» — Это будет зависеть от чтения, — сказали мы, — Если нас, старообрядцев, вы будете хвалить, то само собой разумеется, что нам тогда и возражать будет нечего. Если же чем-либо порицать нас станете, то очень понятно, что мы должны будем против этой части чтения сделать соответствующее возражение. Расшаркиваться пред вами, конечно, не будем, — прибавили мы Скворцову. Стоявший при этом Кишиневский епископ Серафим сказал: едва ли можно допустить вам делать возражения.

Выйдя из гимназии, нам вполне стало понятно, что наше дело принимает для нас нежелательный оборот, что ходатайство наше о выдаче нам части святых мощей едва ли будет удовлетворено.

В виду неопределенного положения и дороговизны жизни в Кашине, на общем собрании всей нашей депутации было решено, что вновь прибывшей депутации в Кашине делать пока нечего, и она вечером выбыла обратно в Москву, мы же, как подавшие прошение, остались ждать результата.

Проводив нашу депутацию обратно в Москву, мы еще раз решили обратиться к горожанам с просьбой поддержать наше ходатайство и подали в комитет просьбу следующего содержания:

В комитет по устройству торжества восстановления церковного почитания святой благоверной великой княгини Анны Кашинской, в г. Кашине.

Нижеподписавшихся уполномоченных общего собрания представителей московских старообрядческих общин и попечителей Рогожского кладбища

ПРОШЕНИЕ.

Божественный апостол Павел, учитель вселенной, оставил нам христианское завещание: «Друг друга тяготы носите».

В данный момент, когда излагаем настоящие строки нашей просьбы к вашему любвеобильному комитету, нас сокрушает скорбная тягота — это неопределенность, повисшая над главами нашими по известному уже комитету вопросу, возбужденному пред высокопреосвященным Алексеем, архиепископом тверским и кашинским.

Комитету и нам известно, что на телеграмму его высокопреосвященства, посланную им в св. синод, по отношению возбужденного вопроса о выдаче части многоцелебных мощей святой благоверной великой княгини Анны Кашинской для московских старообрядческих храмов Рогожского кладбища, получен из Петербурга ответ. Право решения этого для нас важного вопроса возложено на собрание архипастырей, съехавшихся на великое торжество открытия многоцелебной раки святой благоверной великой княгини Анны Кашинской: следовательно, от них зависит решить так или иначе нашу просьбу.

Что ожидает нас в будущем — получим ли мы желанную для нас, старообрядцев, святыню или нам в этом откажут, — мы еще не знаем, но памятны нам заветы Спасителя мира: «просите и дастся вам», то есть просите желаемого неоднократно.

Мы еще раз позволяем себе беспокоить комитет почтительнейшей просьбой и притом в такой важный момент, когда предстоит решение нашего ходатайства пред архипастырями — сказать им свое братское слово в пользу искреннего нашего желания получить часть многоцелебных мощей святой благоверной великой княгини Анны Кашинской.

Смеем при этом уверить, что неизреченная радость наполнит наши сердца, если будет получено нами просимое и желаемое, и великая скорбь и печаль омрачит радость нашу, если в такой нашей искренней просьбе будет нам отказано. 10 июня 1909 г.

Следуют подписи.

11-го и 12-го июня, вследствие происходящих торжеств, мы не могли получить никакого ответа.

Утром 13-го явились к архиепископу, но он, за неимением досуга, по случаю отъезда митрополита Владимира, принять нас не мог.

Около двух часов того же дня мы пришли в зал городской думы на чтение. Здесь нам пришлось встретиться с многими членами городской управы и комитета. Все очень интересовались исходом нашего ходатайства. Многие опасались за неблагоприятный исход его. Здесь же нам сказали, что решено не допускать никаких возражений. Это многих удивляло.

Почти в 3 часа дня открылось заседание под председательством тверского губернатора Фон-Бюнтинга.

Собрание открыл архиепископ Алексей и сказал краткое вступление об основании братства в г. Кашине. Был прочитан устав братства, пока еще без братии. После прочтения устава стали один другого назначать в почетные члены братства, не имея притом в это время совета братства.

Затем была сказана речь московским архимандритом Макарием. Речь была дубровинского характера, но сказана мастерски, хотя при отсутствии всякого «мнишеского» смирения. Евангельских слов: «кроток и смирен», совсем не было слышно. Гром и молния все время рушились на все учебные заведения, на тружеников-преподавателей и воспитателей, на печать, на Государственную Думу левого крыла, наконец посыпались остатки стрел на старообрядцев. Нам пришлось в это время особо насторожиться. — Старообрядцы теперь стали не таковы, — выпалил о. Макарий. Они стали прибегать под защиту левых партий Государственной Думы: трудовиков, социал-демократов, кадетов и других им подобным. Они посылали свою депутацию в Думу, они просили левых провести законопроект об общинах в их духе и они провели для них все и по их собственному желанию. Поэтому старообрядцы были обязаны встать — и встали на стороне врагов православной церкви, врагов русского государства; они встали теперь на стороне врагов христианства и Самого Христа.

После такой антибратской речи ужас охватил не только нас, старообрядцев, но и всех благомыслящих, находившихся в зале. Все хорошо еще помнили, что Государственная Дума, — вся Государственная Дума, левая и правая, — в один голос утверждали в своих заседаниях, когда решался старообрядческий вопрос, что старообрядцы — это «верные сыны Престола». Даже правый депутат г. Павлович сказал, что старообрядцы своею самоотверженностью, своею преданностью Престолу и Государю, решили участь полтавской битвы под Лесным в пользу России, а здесь, здесь в собрании братства, в дни торжеств апостольского двоеперстия, архимандрит, отрекшийся от мира, выкрикивает, как на митинге: старообрядцы-враги, враги, по его клевете, Христу, в Которого старообрядцы веруют больше, чем сам чернопоп, — враги русского государства, но которому старообрядцы служат до последней капли крови.

Речь черносотенца была окончена. В зале воцарилась мертвая тишина, стены городской думы краснели от сказанной речи знаменитого черносотенного апостола.

Один из нас, М.И. Бриллиантов, подошел к председателю собрания и заявил от имени старообрядцев протест, что старообрядцы противниками Христа никогда не были и в числе изменников русского государства, своего родного отечества, никогда не состояли и не состоят, и просил слова возразить на клевету не в меру расходившегося чернопопа архимандрита. Председатель собрания заявил г. Бриллиантову, что в программе заседания диспутов не указано.

— Ужели только здесь, в стенах кашинской думы, можно только оскорблять миллионы старообрядцев, а защищать справедливость нельзя? — возразил г. Бриллиантов.

Председатель снова заявил, что он диспутов не допустит.

В виду отказа в слове, мы, как оскорбленные старообрядцы, тотчас же оставили зал и удалились из здания городской думы, где бесславилось имя преданного России старообрядчества и где было отказано в самозащите старообрядцам.

Вечером 13-го одному из нас пришлось видеть архиепископа Алексея, который сказал, что ответ на наше прошение мы получим от В.М. Скворцова. Мы тотчас же отправились в Клобуковский монастырь, но г. Скворцова не застали.

Утром, 14 июня, мы встретили В.М. Скворцова на пути в Клобуковский монастырь. На вопрос относительно резолюции на наше прошение, Скворцов ответил очень уклончиво. — Положительный ответ, — сказал он нам, — вы получите от архиепископа Алексея, в частности же, я вам скажу, что в просьбе вашей вам, вероятно, будет отказано. Сейчас мне очень некогда, — заявил он: я спешу дать телеграмму. Приходите часа через полтора-два к

преосвященному, я там буду все время и переговорим подробнее. Сказав это, Скворцов упрекнул нас за то, что мы вчера демонстративно ушли с заседания, не дождавись его чтений. Мы на это сказали: «А если бы вы, Василий Михайлович, были на нашем месте и на вашу голову также стали бы лить помой, какие выливал вчера на наши головы архимандрит Макарий, то стали бы вы это терпеливо переносить, сидеть и кланяться?» — Господа, — отвечал нам на это г. Скворцов, — в аду нам и не это терпеть придется. «Разве вы, Василий Михайлович, думаете в ад попасть, но мы молим Бога, чтобы Он избавил нас от вечных мучений. Да и место, где происходили чтения нельзя сравнивать с адом».

Около часу спустя мы пошли в гимназию еще раз повидаться с г. Скворцовым, но он попался нам навстречу в коляске. Когда мы пришли в гимназию, то узнали, что Скворцов совсем уже отбыл из Кашина.

На наш вопрос, когда можно видеть архиепископа, нам сказали, что самое лучшее видеть владыку около 7 часов вечера. Вечером мы были приняты архиепископом Алексеем, который относительно нашего прошения дал нам следующий ответ:

— К сожалению вашему, я должен дать вам ответ отрицательный, так постановило наше собрание.

— Почему же, владыка? — спросили мы.

— Василий Михайлович (это Скворцов) доказывал в присутствии съехавшихся архиереев и также вчера на собрании братства в городской думе, — сказал владыка, — что вы будете злоупотреблять св. мощами и вместо почитания будете зашивать их в антиминсы.

Нас это страшно удивило. В присутствии кишиневского епископа Серафима, массы духовенства и мирян, при представлении нашем 9 июня архиепископу Алексею в гимназии, мы точно и определенно указали ему, что по определению 7 вселен. собора в антиминсы вкладываются мощи только свв. мучеников, и несмотря на наши ссылки и доказательства г. Скворцов все-таки держится миссионерской тактики — стремится хотя всякою неправдою помешать доброму делу.

— Владыка, — сказали мы, — ведь мы уже указали г. Скворцову, что по определению 7-го вселенского соборов антиминсы вкладываются мощи свв. мучеников, а не преподобных и вообще святых угодников Божиих.

— Но дело не в том, господа, — сказал владыка, — а дело касается вашей просьбы. Я сейчас собираюсь уезжать отсюда и предлагаю вам, если вы желаете ходатайствовать. о получении части св. мощей, подать прошение в святейший синод.

— Не откажите владыка, — сказали мы, — написать ваш ответ на бумаге.

— Нет-нет, господа, — зашепшил владыка, — я вам ответ уже сказал, — и достаточно.

Владыка поднялся со стула, мы тоже встали и, откланявшись, удалились из зала, вынося в душе своей скорбные воспоминания, как о том небратском отношении некоторых высших иерархов господствующей церкви к старообрядчеству, отказавших для святых храмов наших части святых мощей благоверных великия княгини-инокини Анны Кашинской, так и о том их положении, насколько они находятся в зависимости от синодских чиновников, хотя и особых поручений, вроде г. Скворцова, которые руководят ими и всякими путями, вплоть до извращения фактов, препятствуют им делать доброе братское дело.

Насколько радушный и братский прием мы встретили у граждан г. Кашина, настолько не братски отнеслись к нам съехавшиеся иерархи господствующей церкви, вместе с чиновниками синода, кроме лишь самого хозяина епархии, владыки Алексея, доброе и сердечное отношение которого к нам осталось неизгладимым в нашей душе и памяти.

Уполномоченные: *М. Бриллиантов.*
А. А. Паиков.

26-го июня 1909 г.
Москва.